

ALEKSANDR DEMIDOV

ПРИЧАЛ

ПОВЕСТЬ

Aleksandr Demidov

Причал

«Автор»

2026

Demidov A.

Причал / А. Demidov — «Автор», 2026

Начало девяностых. Завод останавливается, привычная жизнь разваливается, а главному технологу Марату Салиховичу поручают почти безнадежное дело: за три месяца восстановить заброшенный детский лагерь. В его распоряжении — сорок тысяч никому не нужных валенок, заросшие корпуса, прогнивший причал и несколько случайных людей, каждый со своим характером и своей бедой. Денег нет. Материалов нет. Зато скоро приедут дети — и отступать уже некуда. Пока страна учится жить по новым правилам, Марат и его странная команда строят маленький мир, в котором всё ещё держатся за слово, помогают друг другу и верят, что даже кривой причал однажды выдержит. «Причал» — тёплая, ироничная и честная повесть о людях, оказавшихся на обломках прежней жизни. О времени, когда рушилось почти всё, но человек всё ещё мог построить что-то настоящее.

© Demidov A., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Май	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Aleksandr Demidov

Причал

Александр Демидов

ПРИЧАЛ

повесть

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Май

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Часть вторая. Июнь

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Часть третья. Июль

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Глава 17

Глава 18

Часть первая. Май

Глава 1

Директор называл это доверием, и по тому, как часто он повторял слово «доверие», Марат понимал, что дело плохо.

— Кому я ещё поручу, Марат Салихович? — Ринат Хабибуллович ходил по кабинету, и половицы под ковром вздыхали в такт, старые, комбинатские, помнившие ещё, наверное, братьев Комаровых. — Тебе поручу. Ты человек серьёзный, технолог, голова. Лагерь надо поднять к сезону. Три месяца. Заедут дети — платно, понимаешь, за живые деньги, родители заплатят, это тебе не при советской власти бесплатно. Живые деньги, Марат Салихович. Нам сейчас каждая копейка важна.

Марат сидел и смотрел на директора, и ему было его жалко, потому что он видел то, чего Ринат Хабибуллович не говорил. Завод стоял. Не совсем стоял — дымил ещё одной трубой из трёх, — но шерсти не на что было купить, а на складах лежало сорок тысяч пар валенок, которых никто не брал, потому что вся страна вдруг разом решила, что валенок — это стыдно, это дедовщина, это совок, и надо теперь ходить в кроссовках, в кроссовках правда в минус тридцать можно ноги отморозить до синевы, зато не деревня и не совок. Валенки были тёплые и никому не нужные, ровно как сам Марат: тридцать лет он доводил его до ума, знал про войлок всё, что можно знать, — а теперь знание это стоило столько же, сколько сами валенки, то есть нисколько, и девать Марата было некуда, и лагерь этот был вежливым способом сказать: посиди пока там, не мешай нам тут умирать.

— А из чего поднимать, Ринат Хабибуллович? — спросил Марат. — Денег дадите?

Директор посмотрел на него с укоризной, как на человека, сказавшего непристойность в приличном доме.

— Денег, — сказал он. — Денег, Марат Салихович, нет ни у кого. Денег нет даже у меня. У меня есть валенки. — Он развёл руками, обводя ими весь несуществующий бюджет комбината. — Бери валенки. Меняй. Крутись. Ты голова, ты придумашь. При советской власти всё было, и ума не надо было. Теперь наоборот: ничего нет, а ум нужен. Вот и поработай головой в новых условиях.

Так Марат стал начальником лагеря, которого не видел, с бюджетом в сорок тысяч пар валенок, которые никто не мог продать.

Лагерь стоял в двадцати километрах, на озере, куда заводской уазик довёз его, кряхтя и переваливаясь, как объевшаяся гусыня, по дороге, которую последний раз ровняли ещё при царе. Марат вышел и постоял у ворот. Ворота были — две железные створки с жестяными горнистами, и один горнист висел на одном болте и качался, и труба его смотрела в землю, как будто трубил отбой. За воротами росла трава по пояс. Дальше между соснами стояли корпуса — деревянные, длинные, с провалившимися местами крышами, и один совсем сел на бок, как выпивший. Ближе к воде чернел причал, точнее, то, что когда-то было причалом: доски сгнили и провалились, и торчали одни сваи, как рёбра.

Марат смотрел на всё это и не чувствовал ничего похожего на воодушевление. Он был технолог. Он привык, что перед работой есть чертёж, норма, регламент, — а тут не было ни чертежа, ни нормы, был бурьян и сорок тысяч валенок за двадцать километров, и он не представлял, с какого конца берутся за такое, потому что за такое он не брался ни разу в жизни.

— Кого надо? — сказал голос.

Из бурьяна, а точнее, из будки возле мёртвой котельной, вышел старик — маленький, кривоногий, в телогрейке поверх майки, несмотря на май, — и смотрел на Марата подозрительно, как смотрят на человека, пришедшего отнять законное.

— Я новый начальник, — сказал Марат. — С комбината. Лагерь принимать.

— А-а-а, — сказал старик так, будто давно этого ждал и понимал, что ничем хорошим это не светит. — Начальник. Ну принимай. Тут всё в порядке, я присматриваю. Второй год присматриваю. — Он оглядел развалины с хозяйской гордостью, как оглядывают ухоженное имение. — Тут бы только крыши маленько, причал маленько, воду, свет, столовую, забор — а так всё в полном порядке. Хозяйство крепкое. Меня Фазыл зовут. Кочегар. Только котёл не топится, но это ничего, лето ведь.

Марат посмотрел на «всё в порядке» — на завалившийся корпус, на рёбра причала, на горниста, трубившего отбой, — и понял, что спорить с определением бесполезно, потому что человек, называющий это порядком, живёт в каком-то своём мире, и в мир этот придётся как-то входить, потому что другого населения у лагеря пока не было.

— Крепкое хозяйство, — сказал Марат. — Это хорошо. С чего, Фазыл-абый, посоветуешь начать?

Старик подумал, пожевал губами, поглядел на небо, на озеро, на гостя.

— С обеда, — сказал он твёрдо. — У меня картошка есть. Валенки привёз? Нет? Плохо. Начальник, а без валенок. Ну садись так, покормлю. Только чтоб знал: я тут не за так гляжу, мне за это положено.

Что ему было положено и кем, он не уточнил, и Марат не стал спрашивать, а пошёл за стариком к будке, потому что до вечера всё равно надо было где-то быть, а картошка была, и это было пока единственное во всём хозяйстве, что имелось в наличии и работало.

Глава 2

Ночевать пришлось в будке у Фазыла, потому что ехать назад было не на чем и незачем, и Марат впервые за много лет уснул под чужой храп, на топчане, укрытый — он усмехнулся в темноте — валенком, точнее двумя, положенными вместо подушки, потому что подушки у Фазыла не водились, а вот валенки нашлись, у Фазыла всё в хозяйстве почему-то сводилось к валенкам, хоть он и уверял, что валенками не промышляет.

Утром Марат решил начать. Он был технолог, а технолог начинается с малого и понятного, с той операции, которую можно выделить, описать и выполнить. Он выбрал причал. Причал был нагляднее всего: рёбра свай торчали из воды, настила не было, и Марат рассудил, что настелить доски на сваи — дело простое, тут даже чертежа не надо, тут надо доску положить и прибить, и всякий дурак справится. Он нашёл в сарае доски — гнилые наполовину, но были и целые, — нашёл ржавые гвозди в банке, нашёл молоток и пошёл класть причал.

Первую доску он донёс до воды и понял, что не знает, как на неё встать. Сваи стояли редко, между ними была вода и, чтобы прибить доску к дальней свае, надо было как-то оказаться над этой сваем, а оказаться было нельзя, потому что настила ещё не было, а настил он и клал. Получалось, что для того, чтобы настелить причал, нужно уже стоять на настеленном причале. Марат постоял, подумал, попробовал зайти к решению с другой стороны, с третьей, и всякий раз выходило то же самое: чтобы начать делать, надо иметь уже сделанным то, что делаешь. В цеху это называлось бы нарушением последовательности операций, и виноват был бы технолог, то есть он.

Он всё же изловчился, лёг животом на первую свободную доску, положенную между сваями, дотянулся, приставил гвоздь и ударил молотком. Молоток попал по большому пальцу. Стало больно и обидно. Марат сказал слово, которого в цеху при женщинах не говорил, сунул палец в рот и полежал так, животом на доске, над зелёной водой, солидный человек сорока двух лет, главный технолог, лежал и сосал палец, и доска под ним медленно кренилась, потому что не была прибита, а не прибита она была потому, что он не мог её прибить, а прибить не мог, потому что она кренилась.

— Не так прибиваешь, — сказал сверху Фазыл.

Он стоял на берегу, курил и смотрел на Марата с тем интересом, с каким смотрят на цирковое представление.

— А как надо? — спросил Марат, не вставая, потому что вставать с кренящейся доски было отдельной задачей, к которой он ещё не подступился.

— А я откуда знаю, — сказал Фазыл честно. — Я кочегар. Я котёл знаю. Причал плотник кладёт. Ты плотник?

— Я технолог.

— Ну вот, — сказал Фазыл удовлетворённо, будто это всё объясняло и даже оправдывало. — Технолог. Технолог пушай командует. А класть плотник должен. Ты чего сам полез? Начальник, а сам полез. Непорядок.

И в этом «непорядке», вдруг понял Марат, лёжа животом над водой с отбитым пальцем, была вся его беда и вся правда его нового положения. Он полез сам, потому что не умел иначе: всю жизнь он делал работу сам, головой, и голова не подводила. А тут работа была не для головы. Тут нужны были руки, и руки не его, руки должны были быть чьи-то, а чьих-то не было — был он, Фазыл с котлом и картошкой, сорок тысяч валенок и бурьян. Одному это было не поднять.

Он кое-как сполз с доски обратно на сваю, вымок по колено, вылез. Палец распухал.

— Фазыл-абый, — сказал Марат, отжимая штанину. — Люди когда обещали быть? С комбината говорили — пришлют людей.

— Ну раз говорили — значит пришлют, — согласился Фазыл. — Обещанного три года ждут. — Он подумал и добавил, чтобы утешить: — Но, может, и раньше конечно. Картошку будешь? С утра без картошки, так все пальцы отобьешь. На голодный желудок нельзя причал класть, это же любой дурак знает.

Этого не знал никто, и меньше всех Фазыл, но Марат уже усвоил, что спорить с ним про то, что все знают, — только время терять, и пошёл за ним к будке, хромя на мокрую ногу и держа палец на отлёте, начальник лагеря, за первое утро самостоятельной работы не построивший ничего, кроме твёрдого понимания, что в одиночку он тут пропадёт.

Глава 3

Подполковник приехал первым из обещанных людей, и приехал не как посланный работник, а как прибывающий к новому месту службы: в начищенных туфлях, с портфелем, и с ходу оглядел лагерь тем взглядом, каким осматривают позицию, — не «какой ужас», а «что тут у нас с рубежами».

— Здравия желаю, — сказал он Марату, хотя Марат ему никакого здравия не желал и вообще был в мокрых штанах и с распухшим пальцем. — Николай Степанович. Направлен к вам. — Он не сказал «направлен кем», и Марат понял, что толком никем: просто человек, которого некуда деть, приткнули к другому такому же, и они теперь будут вместе чинить причал, потому что больше их обоих девать некуда.

— Марат Салихович. Начальник тут. Вроде.

— Вижу обстановку, — сказал Николай Степанович, не слушая. Он прошёлся вдоль корпусов, заложив руки за спину, и обстановку он именно что видел — не разруху, а фронт работ, разбитый в голове на участки. — Значит, так. Корпуса — три единицы, из них одна аварийная, кренение градусов двадцать, восстановлению подлежит при наличии инструмента. Кровля — процентов сорок утрачено. Гидротехническое сооружение, — он кивнул на рёбра причала, — отсутствует как таковое. Котельная — понял уже, не топится. Личный состав какой?

— Какой личный состав, — сказал Марат. — Вы да я. Да Фазыл. Плотник ещё должен быть.

Николай Степанович помолчал. Что-то в лице его дрогнуло, коротко, и тут же встало обратно по стойке смирно, потому что он был человеком, привыкшим, что за словом «личный состав» стоят роты, а стояли — он, Марат в мокрых штанах и кочегар с картошкой. Он командовал зенитным дивизионом под Секешфехерваром, он выводил технику через Захонь, у него в подчинении были сотни людей и сотни единиц, — а теперь вся его армия была два штатских и один дед, и надо было делать вид, что это тоже войско, потому что иначе получалось, что он вообще уже никто, а с этим он согласиться не мог — ещё не научился.

— Три человека — это расчёт, — сказал он твёрдо, найдя всё же способ. — С расчётом можно работать. Организуем. Главное — организовать. Я в Венгрии выводил дивизию по графику, минута в минуту, а тут-то какой-то лагерь. — Он сказал «в Венгрии» так, как говорят пароль, чтобы собеседник понял: перед ним человек, который командовал. — У меня контейнер, кстати. Двадцать лет службы собраны сейчас в контейнере. Поставить некуда было, у свояка пока рядом с сараем покамест оставил. Стенка там, «Хельга», полированная, цветной телевизор. Здесь бы, знаете, комнатёнку какую при лагере, я бы и жил, и служил, чего мотаться.

И это «стенка рядом с сараем» сказало про него больше, чем Венгрия и график: человек привёз из хорошей жизни хорошие вещи, а вещи стоят в чужом сарае, и сам он стоит в чужом лагере, и всё нажитое за двадцать лет службы поместилось в один контейнер, которому нет места, как нет места и ему.

Плотник приехал под вечер, на попутке, и был он полной противоположностью всем предыдущим. Николай Степанович говорил — плотник молчал. Николай Степанович видел фронт работ — плотник, не сказав ни слова, подошёл к аварийному корпусу, положил ладонь на бревно, надавил, послушал что-то внутри дерева, обошёл, тронул угол, поковырял ногтем гниль, покачал головой. Он разговаривал не с людьми, а с домом, и дом ему, видно, отвечал понятнее, чем люди.

— Хабир, — сказал он, когда Марат спросил имя. И всё. Больше про себя он в тот день ничего не сообщил, да и в другие дни сообщал скупно, потому что слова были не его коньком, его коньком было дерево, и с деревом он был красноречив, а со словами — как Марат с молотком.

— Как думаешь, Хабир-абый, — спросил Марат, показывая на завалившийся корпус, — поднимем?

Хабир ещё раз оглядел корпус. Подумал. Посмотрел на Марата, на его палец, на подполковника в начищенных туфлях посреди бурьяна, на Фазыла, выглядывающего из будки, — оглядел всё войско, которому предстояло поднимать, — и сказал единственное, что было и приговором, и надеждой разом:

— Дерево хорошее. Люди плохие. — Подумал и уточнил, чтобы не обидеть: — Пока плохие. Руки-то есть у кого?

Рук, как выяснилось за этот день, толком не было ни у кого, кроме самого Хабира. Но он этого вслух говорить не стал, а пошёл разгружать с попутки свой инструмент — тяжёлый, промасленный, завёрнутый в тряпье, единственное во всём лагере имущество, которое умело работать, — и Марат смотрел на этот инструмент с той же завистью, с какой Николай Степанович, наверное, вспоминал свою дивизию, а Фазыл — те времена, когда котёл топился и он был при деле.

Их было теперь трое у воды, да кочегар при будке, и надо было это малое как-то поднимать вместе.

Глава 4

Учительница пришла пешком от автобусной остановки, встала посреди лагеря, оглядела бурьян, завалившийся корпус и трёх мужиков, которые при её появлении почему-то все разом сделали вид, что заняты, и сказала:

— Здравствуйте. Меня Гузель зовут. Мне сказали — что тут оздоровительный детский лагерь. Я что-то не вижу, где тут оздоровительный, и где тут лагерь и уж тем более детский.

— Будет, — сказал Марат.

— Когда?

— К заезду.

— А заезд когда?

— В июле.

Гузель посмотрела на завалившийся корпус, потом на календарь у себя в голове, потом опять на корпус, и по лицу её было видно, что она всё поняла и про этот июль и про эти шансы, но вслух сказала только:

— Понятно. — Так говорят «понятно» врачу, который только что сообщил неутешительный диагноз. — А кормить тут будут? Мне до сентября перекантоваться, в школе с марта зарплату не дают. Обещали хоть кормить.

— Кормят, — подтвердил Фазыл из будки. — Картошкой.

— Одной картошкой?

— Че сразу одной. — Фазыл оскорбился. — С луком.

Гузель вздохнула, поставила сумку и пошла смотреть, где ей жить, и по тому, как она шла — быстро, зло, не оглядываясь, — Марат понял, что прислали не размазню, прислали крепкую бабу, и обрадовался, потому что размазня при этом хозяйстве слилась бы к обеду.

Работать начали в тот же день, и первый общий рабочий день лагеря вышел такой, что лучше бы не начинали. Николай Степанович, обрадовавшись, что народу прибыло, тут же составил план и раздал ответственные участки, как раздавал бы огневые позиции: Марата — на общее руководство, Хабира — на корпус, Гузель — на спальни, себя — на организацию и контроль. План был разумный — оттого и посыпался практически сразу, потому что гражданские — не дивизия, а у людей на всё своё мнение, и первым мнение обнаружил Марат.

Поставленный на общее руководство, Марат немедленно пошёл руководить Хабиром. Хабир поднимал угол корпуса, и Марат, подойдя, стал объяснять, как это правильно делать — с точки зрения приложенной силы, с плечом рычага, с точкой опоры, всё грамотно, по науке.

— Тут, Хабир-абый, рычаг нужен, — говорил Марат. — Если взять точку опоры вот здесь, то усилие на плече...

Хабир слушал, кивал, и, пока Марат договаривал про плечо и усилие, молча подсунул под угол чурбак, поддел ломом и поднял, без всякого плеча и усилия, просто поднял, потому что знал, куда подсунуть.

— ...распределится, — договорил Марат в пустоту, глядя на уже поднятый угол.

— Ага, — сказал Хабир. — Распределилось.

Он не издевался. Он вообще не заметил, что Марат что-то объяснял, — он был занят углом. И это было обиднее всякого издевательства, и Марат постоял, подумал и пошёл руководить дальше, к Гузели. Руководство закончилось так и не начавшись, потому что Гузель, едва он открыл рот, сказала:

— Мужчина. Вы матрас видите? Вот вынесите матрас, а потом руководите.

Матрас Марат вынес. Из матраса, стоило его тряхнуть, посыпались мыши, и не одна, а целое общежитие, и брызнули врассыпную, и Гузель на них не завизжала, а сказала им вслед

короткое и емкое слово, какого учительнице говорить не полагалось, и продолжила выносить, а Марат смотрел на неё с восхищением и окончательно уверился, что баба крепкая.

Николай Степанович тем временем контролировал и организовывал, и от его организации страдали все, потому что он подходил и уточнял этап работы, а этап работы мешал работать. Подойдя к Фазылу, который нёс ведро, он спросил, согласно какому графику несётся ведро, и Фазыл, подумав, ответил, что согласно тому, что жрать все горазд, а воду на картошку носит он один, и Николай Степанович записал это к себе в блокнотик, где вёл учёт, — блокнотик у него был, а карандаша не было, и он писал огрызком, который тоже был явно откуда-то из Венгрии, потому что был не наш, красивый, с надписью на боку.

К вечеру появился пацан, сам, из леса. Постоял, поглядел, как они возятся.

— Чё, лагерь открываете? — спросил он тоном, в котором уже стояло предположение, что затея дурацкая. — Платить будете, если помочь?

— Тебе лет-то сколько? — сказал Марат.

— Достаточно.

И, договаривая это «достаточно», он одновременно, не глядя, ловко смёл со скамейки открытую банку сгущёнки, которую там оставил Фазыл, и банка исчезла в кармане так плавно, что это увидел только Марат.

— Сгущёнку положи, — сказал Марат.

— Какую сгущёнку, — сказал пацан, и карман его при этом отчётливо оттопыривался.

Марат посмотрел на оттопыренный карман, на пацана, прикинул, стоит ли война из-за банки, решил, что не стоит, и махнул рукой. Пацан, увидев, что скандала не будет, не ушёл, а сел на корточки в стороне и стал смотреть, как они работают, с видом полного превосходства.

За весь день не сделали почти ничего: подняли на вершок угол, вынесли матрасы, распугали мышей. Николай Степанович, подводя в блокнотике итог, объявил, что за первый день личный состав достиг слаживания, и все посмотрели на него, потому что никакого слаживания не было и в помине, был бардак, но спорить с блокнотиком было лень, а Фазыл к тому же как раз позвал ужинать, и все пошли есть картошку, а пацан пошёл следом, отдельно, но следом, и сгущёнку, которую он спёр, за ужином выставил на стол — не отдал, а именно выставил, как своё угощение, и ел её со всеми, гордый.

Глава 5

Николай Степанович вставал в шесть, брился холодной водой и выходил на осмотр позиций, которых не было. Но была крапива.

Крапиви он определил как противника ещё накануне и относился к ней соответственно — без ненависти, но с уважением к её тактике. Крапива занимала оставленные позиции быстро и эффективно. Отвернись — и она уже там, где вчера было чисто; в этом смысле она была лучшим стратегом, чем половина людей, которыми Николаю Степановичу доводилось командовать. Штатский начальник Марат Салихович крапивой пренебрегал, считал второстепенной задачей, рвался к крышам да причалу; Николай Степанович знал, что это тактическая ошибка. Пока не взят центр, вся территория на периферии есть территория противника. Он выбрал себе центральную площадку — бывший плац, где, судя по врытому столбу, поднимали когда-то флаг, — и решил взять её к обеду.

Для операции требовался личный состав. Личный состав шлялся без дела у леса в лице подростка, и Николай Степанович направился к нему.

— Боец. Есть задача.

— Я не боец, — сказал пацан. — И задач мне не надо, я тут мимо проходил.

— Задача нужна всем, — сказал Николай Степанович. — Человек без задачи — это... — он поискал слово помягче, не нашёл сразу, — это непорядок. Крапиви видишь? Это противник. Серпом владеешь?

Серпом пацан не владел, но слово «противник» его зацепило — может, потому, что впервые взрослый разговаривал с ним не как с обузой, а как с боевой единицей, пусть и против крапивы, — и он, поворчав для достоинства, взял серп и пошёл. Работали цепью. Николай Степанович косой, пацан серпом, и подполковник по ходу инструктировал: не руби с плеча, руби под корень, противник силён корнем, срубишь вершок — он назавтра два пустит.

— Вы так с немцами воевали? — спросил пацан, отдуваясь.

— С немцами я не воевал, — сказал Николай Степанович строго. — Молод слишком. Я в Венгрии стоял. Мы там... — Он на секунду примолк, потому что за словами «мы там» открывалось слишком много, целая жизнь, городок, дивизия, магазины, в которых всё было, а тут вот крапива, — и он это слишком много захлопнул обратно одной фразой: — Мы там порядок держали. Держали, держали, а потом вышел приказ — и всё. Коси давай. Противник не дремлет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.